
Т. И. Филиппов

«Современник», март

В отделе словесности в этой книжке с удовольствием читается только «Милан» г. Яковлева, все же остальное читается с чувством противоположным. — Особенно неприятно читать стихотворение г. Некрасова «Блажен незлобивый поэт...», не потому, впрочем, что стих из рук вон плох (это куда б уж ни шло), а потому, что оно написано на *известную* тему и по *известному* поводу. — Не можем оставить без внимания странной ошибки в романе г. Писемского; на стр. 132, объясняя отношения Степочкиной матери к матери его невесты, автор между прочим говорит: «Вот как хорошо шло (что?) между *двумя будущими свекровьями* и т. д.»

«Хроника общественной жизни в Москве с половины XVIII столетия», статья г. Забелина. — Жизнь нашего общества в прошлом столетии представляет разительное смешение крайних противоположностей; обычаи древнерусские, гонимые преобразованием, хранились еще в значительной части общества и туго уступали европейским формам, как чуждым и, по их новости, странным. — Даже до сих пор решительное усвоение иностранных форм остается исключительно за высшим кругом; там только можно встретить безукоризненно верные парижскому образцу одежды, там в совершенстве сохраняется правильное иностранное произношение. Средний класс только стремится, но не достигает, испытывая «муки Тантала»; нечего и говорить про остальные сословия. — Случается, правда, видеть из молодых купчика: идет рядом с французом с Кузнецкого моста — никак отличить нельзя, «но это уже дело личного таланта», как в некоторых случаях выражается «Современник». Если и теперь еще дело в таком положении, что же должно было быть в прошлом столетии? На этот вопрос прекрасно отвечает статья г. Забелина, на которую мы с особенным удовольствием обращаем внимание читателя, хотя есть в ней два-три слова, вызывающие на спор... Особенно любопытны известия о немецких *штукмейстерах*, английских *шпрингерах*, *балансерах* и т. д.; как живо воскресают в памяти различные *бельгийские великаны*, *увеселительные самокаты овального движения* и другие тому подобные редкостные представления, заменившие нашему народу хоровод и песню.

«Несколько слов о новой комедии г. Островского “Бедная невеста”», г. И. Т. — В другой раз мы встречаемся с критикой г. И. Т., и оба раза с одинаковым удовольствием. — В январской книжке «Современника» он высказал свое мнение о «Племяннице» г-жи Тур со всей искренностью, какая ему только доступна, не похвалил в ней ничего дурного, не оставил без внимания ничего хорошего. — Точно так же он повел себя и в отношении «Бедной невесты» г. Островского; в его рецензии прежде всего бросается в глаза желание сказать правду. — И должно прибавить, что рецензент не остался при одном желании; некоторые из его замечаний вполне справедливы, и мы выражаем им наше сочувствие, хотя они не совсем лестны для «Бедной

невесты». Например, мы готовы повторить с г. рецензентом, что «психолог должен исчезнуть в художнике»; несмотря на всю простоту и известность этого положения, оно приходится весьма кстати по отношению к данному случаю. Беспрерывное повторение одних и тех же слов лицами комедии тоже замечено и справедливо осуждено г. И. Т.; только напрасно он ищет причины этого недостатка в дробности психологического анализа: такие внешние черты не требуют ни малейшей работы над содержанием характера, они всегда на виду. — Не относя нашего замечания к г. Островскому, мы напомним рецензенту, что такие черты схватываются по большей части писателями, для которых душевная область совершенно закрыта и которые этими внешними приметами стараются заменить недостаток внутреннего содержания в своих лицах. — Но, при всей правдивости рецензента, в его статье многое вызывает читателя на порицание; например, самое начало статьи очень неловко. — Объясняя причину, по которой «Современник» в отделе «Критики» говорит о комедии, помещенной в журнале, рецензент замечает: «Нам хотелось доказать наше внимание к молодому писателю, так высоко поставленному *сочинителями московских критик* и действительно замечательному и даровитому», то есть, если *сочинители московских критик* ставят писателя высоко, так это еще ничего не значит, а нужно ждать, что скажут сочинители петербургских критик? — Если, например, г. И. Т. признал писателя даровитым, то говорится, что он *действительно* даровит. — Что это за секретарская скрепа? Сколько известно, наши журналы никогда не отставали в своих суждениях об искусстве от петербургских, а постоянно противодействовали и их увлечениям, и заблуждениям в понятиях. — И что это за выражение: «*сочинители московских критик*»? Разве рецензент не знает, что сочинитель критики называется просто критиком? Или это желание уколоть? Зачем серьезно-му человеку, говоря о важном деле, увлекаться такими мелкими побуждениями? Немало смеха вызывает следующая выходка рецензента: «*талант у г. Островского есть*, и замечательный». Что же это за новость, что у г. Островского есть талант? Кто сомневался в этом? Сам же рецензент в конце своей статьи говорит, что г. Островский начал свое поприще *необыкновенно*, а потом за новость рассказывает, что у него есть талант. — Видно, что искренность стоит рецензенту больших усилий, что, при всем желании быть правдивым, он не может еще освободиться от дурных привычек «Современника». — «Мы *даже готовы*, — продолжает он, — не отказываться от наших надежд на будущее его (г. Островского) значение». — Что это за *даже*? Эти замечания относятся только к привычкам рецензента; кроме того, в его статье есть некоторые противоречия и неправильные суждения. — Например, он упрекает г. Островского в излишестве психологического анализа, в изображении таких черт, которые, хотя не противоречат действительности, но в художественном произведении не нужны. — С этим никто не будет спорить: наблюдения над жизнью не должны входить целиком в художественное произведение, из них берется только то, что способствует раскрытию его идеи. Но как же с этим упреком совместить другой, совершенно противоположный упрек рецензента в том, что «характеры, выведенные г. Островским, *при всей верности действительности*, показываются нам ровно настолько, насколько это нужно ходу действия»? Что-нибудь одно из двух: или г. Островский не довольно подробно рисует свои лица, или слишком подробно; по закону противоречия нельзя в одно и то же время, при одних и тех же обстоятельствах говорить об одном и том же предмете «да» и «нет». — И что значат слова: «*при всей верности действительности*»? Каким образом верность действительности может способствовать или мешать тому, что характеры показываются нам настолько, насколько это нужно ходу действия?

Мнение рецензента о Марье Андреевне, по нашему мнению, справедливо; ее характер удался автору менее всех. — Действительных живых черт мы не находим

в Марье Андреевне; для комедии нужно только ее положение, из которого вытекает все событие. Но напрасно, однако, рецензент говорит: «особенно напряженным и, говоря техническим слогом, *“резонерским, сделанным”* (?) покажется свежему человеку конец, в котором Марья Андреевна внезапно взглядывает на самое себя с утилитарной точки зрения, собираясь заняться исправлением Беневоленского». Зачем же принимать буквально слова драматического лица? Так никогда не дойдешь до настоящего дела. Обыкновенно в безвыходном положении человек, не находя никаких действительных опор, хватается за ложные надежды и ими себя поддерживает. Так и Марья Андреевна, потерявши разом все надежды на любовь и счастье, принужденная связать судьбу свою с судьбой человека, ей противного, насильно скрашивает свое положение и создает мечты, которые, разумеется, разлетятся тотчас же при встрече с действительностью. — И, по нашему мнению, дурно делает Мерич, когда насмешливой улыбкой встречает эти мечты; впрочем, Меричу это простительнее, нежели рецензенту. — В суждениях рецензента о Хорькове нам показалось кое-что не совсем правильным; например, он ставит на вид Хорькову, что он, «несмотря на благородство чувств своих, предлагает Милашину *перехваченные письма счастливого своего соперника*». Зачем колоть ему глаза счастливым соперником, когда он не оказал к нему ни ревности, ни зависти, когда он сразу оставил все свои надежды и, забывши о себе, заботился только о судьбе Марьи Андреевны? Ведь он не о себе хлопотал, из комедии это ясно; за что же рецензент наводит сомнение на его честность? Что это за условный взгляд на поведение? Девушка гибнет, опутанная сетями подлого человека, и ей нельзя подать помощи; неужели же Хорькову, который знает цену Меричу, в подобном случае оглядываться с сомнением на свой поступок? Ему и в голову не могло прийти, что он делает дурно; он слишком сильно любил Марью Андреевну и слишком мало любил себя. — О свахах Островского рецензент сказал, что они хороши, но жаль, что напоминают лицо известной свахи в «Женитьбе». Нужно было бы заметить, что свахи занимают в комедии г. Островского больше места, чем нужно, что сцена их брани и счетов не совсем уместна. А касательно того, что в одной из них есть что-то напоминающее сваху «Женитьбы», об этом нечего было и замечать: это сходство касается одной или двух фраз, следовательно, сходство чисто нечаянное. Зачем г. Островскому копировать чужих свах, когда у него у самого есть Устинья Наумовна? В заключение опять-таки скажем рецензенту, что мы встречаем его статьи в другой раз с истинным удовольствием, потому что видим в нем благородные усилия сказать крайнюю правду. И еще одно замечание: отчего ни одного слова рецензент не сказал о Дуне? Это чрезвычайно странно! Неужели он не дает цены этому лицу?

Кроме того, в отделе «критики» помещен пристрастный разбор публичных лекций г. Грановского.

О Новом Поэте сказать нечего в нынешней книжке.

Т. И. Филиппов
«Современник», март

Впервые: М. 1852. № 8. Отд. V. С. 140–144. Без подписи. Цензурное разрешение — 15.04.1852. Цензор Д. С. Ржевский.

Об авторстве Филиппова позволяет говорить письмо Григорьева к М. П. Погодину от 25 или 26 февраля 1852 г., из которого следует, что в феврале 1852 г. именно Филиппов писал обозрение «Современника» (см.: *Григорьев. Письма*. С. 65). О. В. Тимахова однозначно приписывает обзор Филиппову (*Тимахова*. С. 312–315). См. также в наст. изд. Приложение II, с. 569.

Переизд.: *Тимахова* (в сокращении).

Обзор третьего номера «Современника» за 1852 г., выполненный Филипповым, по большей части посвящен разбору критической статьи И. С. Тургенева о «Бедной невесте» (С. 1852. № 3). Отдавая должное автору статьи, Филиппов спорит с ним по ряду частных соображений. Так, например, «беспрерывное повторение одних и тех же слов лицами комедии» он объясняет не чрезмерной дробностью психологического анализа, а наоборот, герметичностью внутреннего мира персонажей, проникновение в который невозможно для писателя (об особенностях психологизма в «Бедной невесте» см.: *Зубков*. С. 124–140). С содержательной и композиционной точки зрения центральным в реплике Филиппова оказывается упрек в непоследовательности: отмечая присутствие в персонажах Островского черт, жизненно верных, но излишних в художественном тексте, Тургенев в то же время жалуется на чрезмерную скупость Островского в обрисовке героев, характеры которых раскрыты ровно настолько, насколько это необходимо для развития действия в пьесе. Раздражение у Филиппова вызывает и присутствующее в статье Тургенева противопоставление действительно замечательного писателя писателю, превознесенному «сочинителями московских критик», в котором автор обзора справедливо усмотрел пренебрежительное отношение Тургенева к молодым критикам «Москвитянина». Суждение же Тургенева, в котором он признает замечательный талант автора «Бедной невесты», Филиппов называет прямо «выходкой», полагая, что сомнений в таланте Островского быть не может. Брошенное вскользь замечание Филиппова о стихотворении Некрасова «Блажен незлобивый поэт...», в котором рецензент видит род упражнения на заданную тему, вызвало ожесточенную перепалку между «Современником» и «Москвитянином» (с. 699).

С. 251. ...с удовольствием читается только «Милан» г. Яковлева, все же остальное читается с чувством противоположным. — Художественный отдел мартовской книжки «Современника» включает главы IX–XII второй части романа И. И. Панаева «Львы в провинции», «Милан. Заметки туриста» В. Д. Яковлева, главы III–IV второй части романа А. Ф. Писемского «Богатый жених», перевод И. Г. Шершеневича пятой песни «Энеиды» Вергилия, а также стихотворения А. Н. Майкова «Анакреон», А. А. Фета «В долгие ночи, как вежды на сон не сомкнуты...» и Н. А. Некрасова «Блажен незлобивый поэт...». В путевом очерке (отд. изд.: Италия. Письма из Венеции, Рима и Неаполя. СПб., 1855) В. Д. Яковлева (Отд. I. С. 67–108) обозревается архитектура, искусство, нравы и общественная жизнь Милана. Особое внимание автор уделяет хранящимся в Милане образцам итальянской живописи и оперному театру. О Яковлеве см. также в коммент. к статье Григорьева «О комедиях Островского...» (наст. изд., с. 798).

С. 251. Особенно неприятно читать стихотворение г. Некрасова «Блажен незлобивый поэт...»... — Стихотворение Некрасова (С. 1852. № 3. Отд. I. С. 111–112) посвящено смерти Гоголя и является поэтическим переложением известного лирического отступления из «Мертвых душ» (начало седьмой главы первого тома). Это замечание Филиппова вызвало резкую реакцию Панаева, сравнившего в «Заметках и размышлениях Нового Поэта» (см.: С. 1852. № 6. Отд. VI. С. 325–328) стихотворение Некрасова со стихотворением Н. В. Берга «Над гробом Гоголя» (М. 1852. № 8. Отд. I. С. 273–274). Панаеву, поставившему риторический вопрос о преимуществах произведения Берга над текстом Некрасова, в свою очередь, ответил Алмазов, в обзоре июньского номера «Современника» упрекнувший Нового Поэта в «совершенном отсутствии эстетического вкуса» (см.: М. 1852. № 13. Отд. V. С. 29–30).

С. 251. «Хроника общественной жизни в Москве с половины XVIII столетия», статья г. Забелина. — Работа часто публиковавшегося в «Москвитянине» историка И. И. Забелина (С. 1852. № 3. Отд. II. С. 1–41) посвящена главным образом общественной жизни и нравам Москвы середины XVIII в. и в значительной своей части состоит из цитат из журналов и газет той эпохи. Особое внимание историк сосредоточил на описаниях публичный гуляний и прочих увеселений москвичей. Хвалебные отзывы см. в «Отечественных записках» (1852. № 4. Отд. VI. 139–142) и «Библиотеке для чтения» (1852. № 4. Смесь. С. 203).

С. 251. ...известия о немецких штукмейстерах, английских шпрингерах, балансерах ~ бельгийские великаны, увеселительные самокаты овального движения... — Заключительная часть статьи Забелина (с. 33–41) представляет собой «особую хронику» приездов различных иностранных артистов, которые удивляли «своим «дотоле невиданным» искусством русских людей, плативших за их шутки и экзерции полновесными старинными рублями» (с. 34). Штукмейстер — *устар.*, трюкач, фоксник. Шпрингер — *букв. с нем.* прыгун. Балансер — акробат, балансирующий на канате. Бельгийский великан — Бернард Жюли, прибывший в Москву в 1765 году: «Необыкновенный рост его, в 3½ аршина <2 м. 49 см.>, так удивлял москвичей, что явилась даже лубочная картина, изображавшая великана, когда он показывал себя под Девичьим на гулянье 13 мая» (с. 39).

С. 251. В январской книжке «Современника» он высказал свое мнение о «Племяннице» 2-го Тур... — См.: С. 1852. № 1. Отд. III. С. 1–14. И. С. Тургенев, в целом положительно оценив роман Е. Тур, указал на ряд существенных недостатков: чрезмерные длинноты, безжизненность образа Чельского, которого автор рецензии отнес к «типу Тамарина», погрешности в слог. Талант Е. Тур, по Тургеневу, есть «талант лирический», сильно связанный с личностью автора. Он противопоставлен объективному таланту гоголевского типа. Филиппов подробно остановился на рецензии Тургенева в обзоре первой книжки «Современника» за 1852 г. Одобрив «явное желание рецензента сказать правду», критик «Москвитянина» указал на неясность границы между субъективными и объективными талантами и некоторую «бесцеремонность в тоне» (М. 1852. № 3. С. 87–88).

С. 253. ...что-то, напоминающее сваху «Женитьбы», об этом нечего было и замечать: это сходство касается одной или двух фраз... — Считается, что Островский, переделывая «Бедную невесту» для первого собрания собственных сочинений (СПб., 1859), «заменял разговор двух свах «голосом из толпы», как бы учитывая замечание Тургенева о сходстве этих свах со свахой из «Женитьбы» Гоголя» (см.: Тургенев. Т. 4. С. 665). Однако можно полагать, что драматург имел в виду и соображение Филиппова о том, что перебранка свах занимает больше места, чем следует.

С. 253. ...у него у самого есть Устинья Наумовна? — Персонаж первой комедии Островского «Свои люди — сочтемся!».

С. 253. ...в отделе «критики» помещен пристрастный разбор публичных лекций г. Грановского. — Рецензируя «Публичные лекции профессоров: Геймана, Соловьева, Грановского и Шевырева» (С. 1853. № 3. Отд. III. С. 10–16), анонимный критик останавливается только на лекциях Т. Н. Грановского о биографиях Тамерлана, Александра Македонского, Людовика Святого и Бэкона, а о лекциях других профессоров общает говорить в следующей книжке журнала. Лекции Грановского, по мнению рецензента, «могут служить доказательством умения ярко и блистательно очертить физиономию каждого исторического деятеля, объяснить читателю вполне его характер и показать его отношения к современному ему обществу. При внимательном чтении этих лекций нельзя упустить особенно двух качеств: глубокого, нравственного чувства и поэтического колорита, — лежащих на каждой из них» (Там же. С. 13).

С. 253. О Новом Поэте сказать нечего в нынешней книжке — В «Заметках и размышлениях» мартовской книжки «Современника» (№ 3. Отд. VI. С. 105–116) подробно обсуждаются публиковавшийся в «Москвитянине» перевод первой канцонны «Божественной комедии» Данте, выполненный Д. Е. Мином (М. 1852. № 3. Отд. I. С. I–IV, 215–224), и третья часть статьи Григорьева «Русская литература в 1851 году». Зашедший в гости к Новому Поэту «молодой человек», в частности, упрекает «Москвитянина» за непоследовательное отношение к Дружинину. Новый Поэт удивлен особому вниманию Григорьева к обычно критиковавшемуся в «Москвитянине» Дружинину, но пресекает иронические рассуждения «молодого человека» о вычурном стиле Григорьева, у которого сквозь все недостатки «проглядывают любовь, неподдельное уважение к искусству, страстная охота усердно служить ему» (наст. изд., с. 214).